

1. История формирования взглядов и вклад А.В. Суворова в формирование идеологии, принципов и методов управления организациями

Анализируя теорию и практику планирования и организации военных операций великим стратегом А.В. Суворовым, многочисленные специалисты обращают внимание на то, что он не проиграл ни одного сражения, причем большинство из них были выиграны при численном превосходстве неприятеля. В 1795 году А.В. Суворов изложил свои взгляды на обучение солдат, тактику боя и другие вопросы военного дела в опубликованном и многократно переиздаваемом трактате «Наука побеждать».

Он обладал обширными познаниями не только в военных науках, но и в других областях знаний; оставил огромное военно-теоретическое и практическое наследие; обогатил все области военного дела новыми выводами и положениями. Отбросив используемые устаревшие принципы кордонной стратегии и линейной тактики, А.В. Суворов разработал и применил в полководческой практике более совершенные формы и способы ведения вооружённой борьбы, которые намного опередили свою эпоху и обеспечили русскому военному искусству ведущее место.

Распространенная в то время линейная тактика на суше получила развитие в связи с оснащением сухопутных армий огнестрельным оружием и повышением роли огня в бою. Войска для ведения боя располагались в линию, состоявшую из нескольких шеренг (их количество определялось в зависимости от скорострельности оружия), что позволяло одновременно вести огонь из наибольшего количества ружей. При этом тактика войск сводилась к организации и использованию имеющихся войск небольшими отрядами во всех стратегически и тактически выгодных пунктах, через которые можно ожидать наступления неприятеля.

Стратегия же А.В. Суворова отличалась исключительной активностью и решительностью. Главной целью военных действий ставилось уничтожение армии противника в открытых полевых сражениях. Основным способом стратегических действий считалось наступление. По мнению А.В. Суворова, истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, ... дело может быть решено только прямым смелым наступлением. Отдавая предпочтение наступлению, А.В. Суворов считал возможным в отдельных случаях прибегать к обороне и даже к отступлению в интересах сохранения войск от удара превосходящего противника. Большое значение А.В. Суворов придавал массированию сил и средств на важнейших направлениях. (А. В. Суворов. «Наука побеждать». 2-е изд, 1809 г.).

В первую польскую кампанию А.В. Суворовым была применена тактика и система подготовки войск, самостоятельно разработанная по результатам Семилетней войны. Командуя бригадой, полком, отдельными отрядами, он постоянно перемещался по Польше и нападал на войска конфедератов, постоянно обращая их в бегство. В частности, 2 (13) сентября 1769 года он одержал победу над конфедератами у деревни Орехово. Наиболее выдающейся в этой кампании стала победа А.В. Суворова с отрядом из 900 человек над корпусом гетмана М. Огинского (5 тысяч человек), который был полностью разгромлен, в сражении 13 (24) сентября 1771 года. Русские

потеряли 80 человек убитыми, поляки — до 1 тысячи убитыми, около 700 пленными, в том числе 30 штаб- и обер-офицеров.

Вскоре после назначения А.В. Суворов прибыл в Негоешти 6 (17) мая и получил приказ произвести разведку боем крепости Туртукай. 10 (21) мая после успешного отражения турецкой атаки он решает немедленно провести разведку и без согласования атаковать крепость (т. н. первый поиск на Туртукай). Турецкие войска не ожидали контратаки, поэтому Туртукай был взят значительно меньшими, чем у турок, силами и с минимальными потерями (около 800—900 русских против почти 4 тысяч турок; в ходе боя русских погибло и ранено порядка 200 человек; турок, по разным оценкам — от 1 до 1,5 тысяч убитых). Город был разрушен, и все христиане были выведены из Туртукай для переселения на контролируемый Россией берег Дуная. А.В. Суворов в бою был сильно ранен в ногу разорвавшимся снарядом. По одной из версий, он получил строгий выговор за данный захват, который изначально планировался как разведка. Екатерина II не утвердила наложенные на Суворова взыскания, написав: «Победителей не судят».

3 (14) сентября 1773 года турки в количестве 4 тысяч пехоты и 3 тысяч конницы попытались взять Гирсово штурмом. У русских было около 3 тысяч человек. А.В. Суворов подпустил турок на близкое расстояние, а затем внезапно контратаковал с нескольких направлений. Турки были смяты и бежали, понеся тяжёлые потери. С турецкой стороны погибло по разным оценкам от 1,1 до 2 тысяч человек, в том числе двое пашей, с русской стороны было убито и ранено 200 человек.

В 1774 году А.В. Суворов был назначен командующим 6-й московской дивизией и в августе того же года был направлен для участия в подавлении восстания под предводительством Емельяна Пугачёва, что свидетельствовало о том, что правительство относилось к восстанию с большой серьёзностью. Однако к моменту прибытия А.В. Суворова к Волге (он явился в ставку П. И. Панина 24 августа «в одном только кафтане на открытой почтовой телеге») основные силы повстанцев были разгромлены подполковником И. И. Михельсоном. А.В. Суворов с войском отправляется в Царицын, где в начале сентября соединяется с Михельсоном и начинает преследование спешно отступающего Пугачёва. У реки Большой Узень он почти настиг его, но в это время казачий сотник Харчев¹ уже пленил самозванца. Почти две недели, с 29 сентября до 12 октября 1774 года Суворов конвоировал пленного из Уральска в Симбирск мимо Самары; дорогой он с любопытством расспрашивал того о военных действиях и нереализованных планах, мятежник охотно делился опытом (Пугачёв действительно обладал

незаурядным военным талантом и организаторскими способностями, у него было чему поучиться). Этот эпизод является еще одним свидетельством того факта, что А.В. Суворов постоянно пополнял свои военные знания, используя все имеющиеся возможности.

С 1 декабря 1774 года А.В. Суворов в конце 1777 года был назначен командующим кубанским корпусом, где перед ним была поставлена задача небольшим войском прикрыть огромную границу. За три месяца пребывания на Кубани он организовал тщательно продуманную систему укреплений, сочетаний стационарных гарнизонов, расположенных в укреплениях, с подвижными резервами, всегда готовыми поддержать любой из гарнизонов участка, сделав линию обороны неприступной для кочевников. А.В. Суворов, Проявив большое дипломатическое искусство в сочетании с решительными действиями, организовал прекрасно поставленную разведку, позволявшую ему быть в курсе настроений и намерений горских и ногайских предводителей. После присоединения Крыма к России в 1783 году, на месте укреплений в 1793 году по инициативе А. В. Суворова строится карантин для товаров и грузов, там же возникает и военно-глазная клиника (первое русское медицинское учреждение Евпатории).

С 1791 года, командуя русскими войсками в Финляндии, А.В. Суворов руководил строительством укреплений на границе со Швецией. Ему также одновременно было поручено командование над Роченсальмским портом и Саймской флотилией. По предложению А.В. Суворова для Саймской флотилии были построены четыре военных канала, обеспечивавших прохождение судов из Вильманстранда в Нейшлот целиком по российской территории. Также была выстроена крепость Кюменеград, которая находится на территории нынешнего города Котка

А.В. Суворов был не только крупнейшим стратегом, но и непревзойдённым тактиком своего времени. Особой его заслугой было совершенствование тактики колонн в сочетании с рассыпным строем — способ боя, созданный на Западе лишь в ходе более поздних войн и развитый затем Наполеоном. В тактике А.В. Суворова органично сочетались огонь и штыковой удар. Придавая большое значение огню для достижения победы, он поднял на небывалую до него высоту и искусство сокрушительного штыкового боя. Суворовская тактика основывалась на тщательной агентурной и военной разведке, тщательном учёте обстановки и ресурсов, быстроте, внезапности и скоротечности действий.

Полководческий гений А.В. Суворова признавали и его противники. Хотя сам Наполеон заявлял, что у А.В. Суворова было сердце, но не разум

великого полководца, его генерал Массена говорил, что отдал бы все свои победы за один только Швейцарский поход А.В. Суворова, а Моро называл марш (стратегический манёвр) А.В. Суворова к Треббии вершиной военного искусства. Адмирал Нельсон писал А.В. Суворову, что ему льстят сравнения с русским героем больше, чем ордена.

После смерти Потёмкина в 1792 году А.В. Суворов назначается на 2 года командующим войсками, стоящими в Новороссии (Екатеринославском наместничестве и Таврической области). К этому времени возникла необходимость укрепления новой русско-турецкой границы, пролежавшей отныне по реке Днестр. Работа по составлению плана инженерной подготовки границ была поручена А.В. Суворову, который главное внимание уделил укреплению левого берега в нижнем течении Днестра. По его приказу на левом берегу Днестра на месте сожжённого турками села была построена крепость Средняя и в 1792 году заложен город Тирасполь. Под руководством А.В. Суворова осуществляется строительство крепостных сооружений в Хаджибее (Одессе). Основной целью этих военных приготовлений была возможная война (так и не состоявшаяся), в ходе которой императрица мечтала отвоевать у турок Константинополь.

Для планирования этой новой кампании полководцу требовались точные разведданные, и А.В. Суворов написал своему будущему биографу Фридриху Антингу, с которым познакомился накануне, когда тот в свите российского посланника проследовал в Константинополь через вверенные ему территории. Обстоятельный ответ на своё письмо, состоявшее из 22 вопросов об организации обороны города, источниках снабжения водой и продовольствием, состоянии армии и флота, а также политической ситуации в стане противника, А.В. Суворов получил из рук Антинга в феврале 1794 года^[51].

В мае 1794 года А.В. Суворов направлен в Подолию для подготовки ко второй польской кампании. Численность суворовских войск после присоединения других отрядов возросла до 11 тысяч солдат. Эти войска двинулись на Варшаву. Навстречу войскам А.В. Суворова был направлен отряд генерала Майена, состоящий из 5560 солдат (в том числе 1103 кавалерии) и 9 орудий. В 5 часов утра 15(26) октября при Кобылке начался бой, продолжавшийся более 5 часов и закончившийся разгромом польских войск, часть из которых отступила к Праге, пригороду Варшавы на правой стороне Вислы.

23 октября (3 ноября) войска А.В. Суворова (до 25 тысяч солдат при 86 орудиях) подошли к Праге, предместью Варшавы, и начали артиллерийский

обстрел самого города и его стен. На следующий день, приблизительно в 5 часов утра, семь колонн пошли на приступ полуразрушенных артиллерийским огнём укреплений, обороняемых гарнизоном и вооружёнными городскими ополченцами (20—30 тысяч) при 106 орудиях. Русские колонны под огнём ворвались в Прагу с разных сторон. Среди защитников Праги началась паника, и к 9 часам утра 24 октября (4 ноября) польские войска капитулировали. В бою погибло по разным данным от 10—13 до 20 тысяч поляков и немного больше взято в плен, с русской стороны согласно официальной реляции убито 580 солдат и ранено 960.

А.В. Суворов принял депутатов из Варшавы прямо на поле боя, среди множества трупов, демонстративно предупреждая поляков о последствиях дальнейшего сопротивления. Тем не менее демонстративные действия А.В. Суворова имели эффект, и 29 октября (9 ноября) на берегу Вислы магистрат поднёс А.В. Суворову хлеб-соль и городские ключи, которые символизировали капитуляцию Варшавы. На просьбу польского короля Станислава освободить одного польского офицера А.В. Суворов освободил сразу 500 пленных офицеров, а ещё до того по домам были отпущены 6 тысяч польских ополченцев. Городской магистрат от имени жителей Варшавы подарил А.В. Суворову золотую табакерку с бриллиантами и надписью *«Варшава своему избавителю, дня 4 ноября 1794»*. После капитуляции Варшавы и объявленной А.В. Суворовым амнистии войска повстанцев по всей Польше в течение недели сложили оружие.

После смерти 6 ноября 1796 года Екатерины II на престол вступил Павел I, сторонник прусской военной системы Фридриха Великого, в соответствии с которой он стал реформировать русскую армию. Были введены новая форма одежды, новый воинский устав. Главное внимание уделялось муштре войск, смотрам и парадом. Сторонник «просвещённой монархии», создавший свою систему организации и снабжения войск и с успехом её применявший, А.В. Суворов выступал против насаждения императором Павлом I прусских палочных порядков в армии, что вызвало враждебное отношение к нему придворных кругов. Вопреки указаниям Павла I, А.В. Суворов продолжал воспитывать солдат по-своему.

Эти обстоятельства вызвали раздражение и гнев императора, и 6 февраля 1797 года А.В. Суворов был уволен в отставку без права ношения мундира и в конце марта прибыл в своё имение Губерния у белорусского городка Кобрин. С ним последовали 19 бывших офицеров его штаба, каждому из которых Суворов подарил по небольшой деревне с крестьянами. 22 апреля чиновник тайной экспедиции Ю. А. Николев внезапно приехал в Кобрин, предъявил

именное распоряжение императора и решительно потребовал от графа А.В. Суворова немедленно собираться. На следующее утро они выехали и 5 мая прибыли в Кончанское.

Вначале условия содержания А.В. Суворова в Кончанском были весьма строгими — Вындомскому было предписано находиться при графе неотлучно, перехватывать любую корреспонденцию, воспрепятствовать каким-либо перемещениям за пределами села и приём посетителей. Опальный жил в доме на отшибе со своим камердинером Прохором Ивановым и двумя отставными солдатами, часто общался со своими крестьянами-карелами на их языке, которого чиновник не знал. Ничто не могло помешать графу ни уехать в любой момент, ни тайно передать или получить корреспонденцию. На жалобы надзирателя ему в помощь прислали из губернии двух солдат.

В начале сентября 1798 года к А.В. Суворову приехал старый сослуживец генерал-майор Прево де Люмиан, отправленный Павлом I узнать мнение Суворова о том, как вести войну с французами в современных условиях (победы Наполеона вызвали обеспокоенность русского двора). Суворов продиктовал девять правил ведения войны, отражавшие наступательную стратегию полководца^[64]. Несмотря на это и подобные посещения и свободу перемещений, в селе здоровье А.В. Суворова ухудшилось, усилилась скука и раздражительность, и он принял решение удалиться в монастырь. В декабре 1798 года он написал прошение императору. Ответа не последовало, а 6 февраля 1799 года в Кончанское приехал флигель-адъютант Толбухин и привёз Суворову письмо императора: *«Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитывать. Виноватого Бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии...»*^[64].

Именным Высочайшим указом от 8 (19) августа 1799 года генерал-фельдмаршал граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский возведён, с нисходящим его потомством, в княжеское Российской империи достоинство с титулом князя *Италийского*. 24 августа (4 сентября) 1799 года император Павел I повелел, чтобы А.В. Суворову оказывались почести *«...подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества»*.

В своей последний боевой поход А.В. Суворов отправился во главе 21,5-тысячной русской армии. Из окружения с ним вышло примерно 14 000 человек в весьма плачевном состоянии: лишь десять тысяч из них были боеспособны — остальные страдали от истощения, ран, обморожений и различных заболеваний. Армия осталась без боеприпасов и провианта, потеряла большую часть лошадей и вьюков, в горах была брошена одна треть

ружей и вся артиллерия. Кроме того, в Гларусе А.В. Суворов был вынужден оставить на милость французов около 1300 тяжело раненых и больных воинов. Остальные — погибли или захвачены в плен в боях, замёрзли на горных перевалах или разбились в пропастях. Всего потери составили около 5100 человек погибшими и не менее 2100 пленными, большинство из которых позже были возвращены в Россию. Потери австрийцев неизвестны. Французские войска, обладавшие подавляющим превосходством в численности, потеряли, по оценке самого Суворова, в 3—4 раза больше русских, однако точных данных об этом нет. В ходе боевых действий было захвачено в плен 2778 французских солдат и офицеров, половину которых А.В. Суворов сумел вывести живыми из Альп как свидетельство одержанных побед. Тем не менее, главная цель похода — изгнание французов, — достигнута не была: Франция сохранила свой полный контроль над Гельветической республикой, каким он был до начала Швейцарского похода.

После завершения Швейцарского похода Павел I решил отчеканить специальную медаль, на которой он хотел отразить и вклад австрийцев. А.В. Суворов, к которому император обратился с просьбой предложить варианты текста надписи на медали, дал такой совет: сделать медаль одинаковой и для русских, и для австрийцев, но при этом на «русской» версии выбить «*С нами Бог*», а на «австрийской» — «*Бог с вами*»^{[69]:139}.

За беспримерный по трудностям и героизму Швейцарский поход А.В. Суворов 28 октября (8 ноября) 1799 года был удостоен императором Павлом высшего воинского звания — Генералиссимус российских сухопутных и морских сил, став четвёртым полководцем в России, удостоенным этого звания. 1 (12) ноября 1799 года Военной коллегии было велено вести переписку с генералиссимусом А.В. Суворовым «*сообщениями, а не указами*»^{[6][7]}. В тот же день было приказано изготовить памятник Суворову^{[6][7]}.

29 октября (9 ноября) 1799 года А.В. Суворов получает от Павла I два рескрипта, в которых сообщается о разрыве союза с Австрией и приказывается готовить русскую армию к возвращению в Россию. Во второй половине ноября русская армия начала возвращаться. В Богемии и Северной Австрии она расположилось на отдых в окрестностях замка Шкворец (сам А.В. Суворов остановился в Праге) в ожидании возможного возобновления войны с Французской республикой. Однако его не последовало, и 14 (25) января 1800 года русские войска двинулись в Россию.

В Кракове А.В. Суворов сдал командование Розенбергу и направился в Санкт-Петербург. По пути он заболел и остановился в своём поместье в

Кобрине. Императором к нему был направлен лейб-медик М. А. Вейкард, когда состояние А.В. Суворова улучшилось, он продолжил путь. В Петербурге ему готовилась торжественная встреча. Однако в это время А.В. Суворов неожиданно вновь попадает в опалу. Поводом к ней было то, что в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворов держал при себе дежурного генерала, что полагалось иметь только монарху. Относительно подлинных причин опалы выдвигаются самые различные версии.

Болезнь Суворова обострилась. Торжественная встреча была отменена. Приехав в Петербург, А.В. Суворов остановился у мужа своей племянницы Д. И. Хвостова. Павел I отказался принять полководца. По одной версии, на смертном одре А.В. Суворов сказал любимцу императора графу Ивану Кутайсову, приехавшему потребовать отчёта в его действиях: *«Я готовлюсь отдать отчёт Богу, а о государе я теперь и думать не хочу...»*. Также согласно одной из версий, когда граф Хвостов, бывший бездарным поэтом, пришёл к умирающему А.В. Суворову попрощаться, тот сказал ему: *«Митя, ведь ты хороший человек, не пиши стихов. А уж коли не можешь не писать, то, ради Бога, не печатай»*.

6 (18) мая во втором часу дня Александр Васильевич Суворов скончался в Санкт-Петербурге по адресу Крюков канал, дом 23. Г. Р. Державин отозвался на известие о смерти полководца ставшим классическим стихотворением «Снегирь».

2. Вклад А.В. Суворова в разработку системы сценарного управления и контроля

Полководческая деятельность А.В. Суворова постоянно сопровождалась рисками, последствия от которых ему приходилось учитывать, исходя из имеющегося военного опыта, а также багажа знаний, умений и навыков. В то же время, успех военной операции во многом зависел от наличия у принимающего решения полководца в условиях неопределенности интуиции, опыта, а также умения предвидеть последствия от различного рода рисков.

Эти риски были обусловлены факторами внешней среды, объективными политическими, военными, экономическими и социальными условиями, которые во многом определяют стратегию поведения лица, принимающего решения и методам поведения, к которым он вынужден приспособливаться. Неопределенность же ситуации обусловлена множеством переменных, которые не всегда можно четко сформулировать, а также определить цели, критерии и показатели их оценки. Предугадать, снизить, или даже устранить неопределенность в управлении военными операциями, не всегда

представляется возможным, так как она обусловлена наличием непредвиденных внешних факторов.

В условиях состояния военной науки России XIII особенно актуальной является проблема формирования у участников военных операций разных уровней управления научного мышления, основанного на знании военно-экономических законов, принципов, методов и технологий стратегического управления. В то время в практике военно-стратегического управления на всех уровнях главенствовал принцип «ручного управления», увлечение которым заставляло искать новые подходы к управлению рисками. Одним из таких подходов к минимизации рисков является использование принципов сценарного управления, позволяющего путем составления возможных сценариев сравнивать различные варианты стратегий на результаты военных операций. Такой подход помогает выбрать тот сценарий, который приведет к минимизации возникающих рисков. Следует отметить, что сценарный метод может быть применим к различным стратегиям: рациональное использование военных ресурсов; формирование организационной структуры управления войсками; выбор кадровой стратегии. С помощью сценарного подхода возможно прогнозировать результаты принимаемых решений и те последствия, к которым может привести неправильный выбор стратегии. Ключевой этап данного метода – это отбор сценариев, под которыми понимаются наиболее типичные и характерные варианты будущей стратегии. В этой связи важно отметить, что разработка сценария – это не выбор стратегии, не планирование конкретных результатов, а определение ориентира для прогнозирования вариантов решений в процессе управления выбранным вариантом сценария.

Следует отметить, что для правильного понимания сущности и содержания сценарного подхода к ведению военных операций важно учитывать, по нашему мнению, то предположение, что планировать будущие события и управлять свершившимся сценарием – это совершенно разные действия по смыслу, содержанию, форме, исполнителям и другим ресурсам. Планировать будущие сценарии, исходя из предположения «если события сложатся таким образом, то следует придерживаться такого сценария» всегда проблематично, т.к. планирование хотя и важная, но не единственная (и даже не приоритетная) функция управления.

В качестве примера применения сценарного подхода к планированию и организации крупнейшей военной операции можно привести организацию в 1979 году объединённой русско-австрийской армии для похода в северную

Италию, захваченную войсками Французской Директории. В первоначальном сценарии во главе армии планировалось поставить эрцгерцога Иосифа. Но, по настоянию англичан, австрийский император обратился с просьбой к Павлу I назначить командующим А.В. Суворова. Вызванный из ссылки полководец прибыл в Вену 14 (25) марта 1799 года, где 20 (31) марта император Франц II присвоил Суворову звание генерал-фельдмаршала Священной Римской империи. 4 (15) апреля полководец прибывает к русским войскам в Верону, а на следующий день перешёл с войсками в Валеджо.

Уже 8 (19) апреля началось выдвижение из Валеджо к реке Адде союзных русско-австрийских войск численностью около 80 тысяч человек под командованием А.В. Суворова. Этому маневру предшествовала разработка ряда спланированных шагов (сценариев), реализация которых позволила успешно завершить эту сложную многоходовую операцию. Первым таким шагом стало столкновением суворовских войск с французами на захваченной ими итальянской территории явилось взятие 10 (21) апреля города-крепости Брешиа (в этом бою отличился генерал-майор князь Багратион). Взятие этой крепости дало возможность начать блокаду крепостей Мантуя и Пескьера (на что было выделено 20 тысяч человек) и начать движение основной части войска к Милану, куда для его защиты отступали части французской армии, которые закрепились на противоположном берегу реки Адды.

15 (26) апреля после взятия города Лекко, 16 (27) апреля началась основная часть сражения на реке Адде: русские войска переправились через реку и нанесли поражение французской армии под руководством генерала Жана Виктора Моро. Французы потеряли около 3 тысяч убитыми и около 5 тысяч пленными. Заключительным этапом сражения на реке Адде стало сражение при Вердерио, итогом которого стала сдача французской дивизии генерала Серюрье.

В результате этих двух частей (сценариев) сражения французская армия отступила, и 17 (28) апреля союзные войска вступили в Милан. 20 апреля (1 мая) они выступили к реке По. В этом походе были взяты крепости Пескьера, Тортона, Пицигетоне, в каждой из которых А.В. Суворов оставлял гарнизон из числа австрийцев, поэтому его армия постепенно сокращалась. В начале мая Суворов начал движение на Турин. 5 (16) мая французский отряд генерала Моро около города Маренго напал на австрийский дивизион, но с помощью отряда Багратиона был отброшен. Французские войска вынуждены были отступить, оставив без боя крепости Казале и Валенцу и открыв дорогу на Турин, который был взят без боя (благодаря реализации пошаговых

сценариев) В результате практически вся северная Италия была очищена от французских войск.

Между тем, в середине мая во Флоренцию прибыла армия генерала Макдональда и двинулась к Генуе на соединения с Моро. 6 (17) июня на реке Треббия началось сражение между русско-австрийскими войсками А.В. Суворова и французской армией Макдональда. Оно длилось трое суток и закончилось поражением французов, потерявших убитыми и взятыми в плен половину своей армии. 4 (15) августа началось сражение при Нови. В ходе 18-часового сражения французская армия была полностью разгромлена, потеряв убитыми 7 тысяч человек (включая и её командующего Жубера), 4,5 тысяч пленных, 5 тысяч раненых и 4 тысячи дезертировавших. Сражение при Нови стало последним крупным сражением в ходе Итальянского похода. Это был завершающий этап многоходовой операции и завершившей комплексную военную операцию, Именным Высочайшим указом от 8 (19) августа 1799 года генерал-фельдмаршал граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский возведён, с нисходящим его потомством, в княжеское Российской империи достоинство

с титулом князя *Итальянского*.

В результате не только Россия и Италия чествовали русского полководца и восторгались при его имени; в Англии он тоже сделался первою знаменитостью эпохи, любимым героем. Газетные статьи, касающиеся А.В. Суворова и его военных подвигов, появлялись чуть не ежедневно; издавались и особые брошюры с его жизнеописаниями, и карикатуры. Победы союзников были обусловлены, главным образом, высокими морально-боевыми качествами русских войск и выдающимся полководческим искусством А.В. Суворова (сценарии).

Еще более показательным в плане использования метода сценарием является швейцарский поход А.В. Суворова, когда он со своей армией после освобождения Северной Италии планировал развернуть наступление на Францию, нанося главный удар в направлении Гренобль, Лион, Париж. Но этот план был сорван союзниками, опасавшимися усиления влияния России в районе Средиземного моря и Италии. Великобритания и Австрия решили удалить русскую армию из Северной Италии. А.В. Суворову пришлось избрать новый сценарий, в соответствии с которым он, оставив в Италии австрийские войска, во главе русских войск направиться в Гельветическую республику, чтобы соединиться с действовавшим там русско-австрийским корпусом под командованием генерал-лейтенанта Александра Михайловича Римского-Корсакова и фельдмаршал-лейтенанта Фридриха фон Готце и

оттуда действовать против французов с целью их полного изгнания с территории Швейцарии.

31 августа (11 сентября) 1799 года русские войска выступили из Александрии и за шесть суток прошли 150 км до Таверны^[it]. По прибытии обнаружилось, что австрийцы, в нарушение достигнутых договорённостей, не доставили туда 1429 мулов, необходимых для перевозки провианта и артиллерии. Между тем, свою полевую артиллерию и обозы русская армия отправила кружным путём через Австрию. Мулы были доставлены только четыре дня спустя и всего 650 голов. Австрийские офицеры дали также неправильные сведения о численности французской армии, уменьшив ее почти на треть. По некоторым сведениям, австрийцы также якобы ввели А.В. Суворова в заблуждение, уверяя, что вдоль Люцернского озера от Альтдорфа к Швицу идёт пешеходная тропа, которой на самом деле не было.

В этой связи 10 (21) сентября 1799 года А.В. Суворов был вынужден избрать в этих сложных условиях единственный вариант выступления двумя колоннами. Начался Швейцарский поход Суворова, ставший значительной страницей истории русской армии. Первым крупным столкновением с французами стал штурм перевала Сен-Готард, перекрывавшего путь через Швейцарские Альпы. Оборонявшая его французская дивизия Лекурба была равна по численности половине всей русской армии. Взяв деревни Урсерен и Хоспенталь, русские войска начали штурм на рассвете 13 (24) сентября 1799 года. С третьего приступа перевал был взят. 14 (25) сентября 1799 года русские войска объединились и двинулись к Швицу, где на пути вновь предстояло штурмовать французские укрепления в исключительно трудных условиях: в районе Чёртова моста, который был перекинут через ущелье, по которому текла река Ройс. Путь к мосту шёл через «Урсернскую дыру» — узкий тоннель, пробитый в огромных практически отвесных утёсах.

В Швейцарском походе проявились как полководческий гений А.В. Суворова, его способность действовать в условиях неопределенности, так и тактическое мастерство русских командиров. Обойдя по дну ущелья французов, русские войска сумели отбросить их от выхода из тоннеля, и бой завязался уже за сам Чёртов мост. Его удалось взять, восстановив частично разрушенный пролёт прямо под огнём противника. С боями и тяжёлой борьбой с неблагоприятными природными условиями войско продвигалось дальше. Наиболее тяжёлым испытанием на Сен-Готардской дороге был переход через наиболее высокую и крутую заснеженную гору

Бинтнерберг, против и посередине водопада. При переходе погибло много русских солдат. Наконец, перейдя через гору и вступив в Альтдорф, А.В. Суворов обнаружил отсутствие дороги вдоль Фирвальдштетского (Люцернского) озера, о которой ему говорили австрийцы, что делало дальнейшее продвижение на Швиц невозможным. Все лодки были угнаны отступавшими французами из остатков дивизии Лекурба.

Между тем начал заканчиваться провиант, а французы продолжали стягивать войска к Фирвальдштетскому озеру. В сложившихся обстоятельствах А.В. Суворов принял решение направить войска по пастушьей тропе, ведущей через заснеженный перевал на склоне горы Росшток (2193 м; нем. *Rossstockklücke*)^[65] в долину реки Муоты^[К 1], откуда имелась дорога на Швиц. Во время этого сложного горного перехода А.В. Суворов, которому уже исполнилось 68 лет, тяжело заболел. Переход через Росшток занял 12 часов. Спустившись к деревне Муотаталь (нем. *Muotathal*; в прошлом известна, как Мутен нем. *Mutthen*)^[66], союзники застали французов врасплох и быстро выбили их оттуда. Здесь же к вечеру 19 (30) сентября 1799 А.В. Суворов узнал, что войска французского генерала Андре Массены наголову разгромили под Цюрихом корпус Римского-Корсакова и фон Готце, на помощь которым он спешил. Продолжать движение к Швицу, занятому главными силами противника, стало бессмысленным. Тем временем, Массене удалось своими войсками запереть выходы из Муотаталья — узкой, зажатой между непроходимыми утёсами долины, что поставило союзный корпус в критическое положение.

Войска А.В. Суворова сумели прорваться из долины через французские позиции в восточном направлении и с боями начали продвижение к Гларусу. Уже практически не осталось провианта и патронов, одежда и обувь изнашивалась, многие солдаты и офицеры были босы. 20 сентября (1 октября) 1799 года в долине Муоты семитысячный арьергард русской армии под командованием Розенберга, прикрывавший А.В. Суворова с тыла, разгромил 15-тысячную группировку французских войск под командованием самого Массены, едва не попавшего в плен^[67]:

«В этих боях в плен чуть не попал и сам Массена, которого гренадер Махотин пытался стащить с лошади. У русского воина остался в руках оторванный генеральский эполет. „Неприятель, — доносил Розенберг, — более 8 верст до самого Швица гнан был“.»

Только в этом бою погибло от 4 до 5 тысяч французов и 1,2 тысячи, в том числе генерал Ла Курк¹, были взяты в плен. Русские потеряли около 700 человек убитыми и ранеными. В это же самое время авангарду под

командованием Багратиона удалось пробить союзным войскам дорогу через Клэнтальскую долину к Гларусу. Отсюда он попытался сходу развить наступление на север, однако у деревни Моллис был остановлен французами и швейцарским ополчением. После целого дня упорных боёв авангард Багратиона был принуждён отступить к Гларусу, куда уже стянулся весь суворовский корпус. Здесь русских покинула последняя австрийская бригада. А.В. Суворов намеревался следовать своему плану, намеченному ещё в Муотатале: после короткой передышки прорвать французскую оборону у Моллиса и продолжать наступление на север, чтобы выйти южным берегом Валензе к занятому австрийцами Заргансу.

Однако русский генералитет во главе с великим князем Константином Павловичем настаивал на том, что сил для этого недостаточно и необходимо оторваться от французов, чтобы спасти измотанную армию. Полководец, учитывая тяжёлое состояние своих войск, почти полное отсутствие обуви и боеприпасов, вынужден был, хотя и неохотно, согласиться с их доводами и начать отступление через Эльм и перевал Паникс (Рингенкопф) в верховья Рейна на соединение с остатками корпуса Римского-Корсакова. Это был последний и один из наиболее тяжёлых переходов. Французы быстро догнали и стали непрерывно нападать на арьергард русской армии, которым теперь командовал Багратион.

Несмотря на свежие силы, артиллерию и боеприпасы в достатке, они не могли противостоять штыковым контра-атакам русских. Вопреки тяжёлым потерям в арьергардных боях (только пленных французами было взято 800 человек), русская армия сумела отбиться и избежать поражения. Измотанное войско начало тяжёлое восхождение на перевал Паникс где бушевал буран — противник прекратил преследование. На этом пути замёрзло и сорвалось в пропасть около 200 человек; там же были сброшены в все пушки, свои и отбитые у французов, потеряно около 300 мулов. Последним испытанием стала ночёвка в снегу на вершине Пникса и крутой спуск с него (предположительно изображённый на картине Сурикова «Переход Суворова через Альпы»).

А.В. Суворов разделял со своими людьми все тяготы изнурительного перехода и постоянно подбадривал их, подтрунивал над теми, кто бросил оружие или же слишком много жаловался. Одетый лишь в лёгкий мундир, чтобы показать пример стойкости своим измученным солдатам, он неизменно отказывался от плаща, который ему настойчиво предлагал адъютант. А.В. Суворов прошёл с солдатами до вершины перевала.

3. Вклад А.В. Суворова в разработку системы управления кадровым функционалом организаций, их подготовку и обучение

А.В. Суворов был не только блистательным военным, но и талантливым управленцем и администратором. В конце лета — начале осени 1778 года он при поддержке митрополита Игнатия (Гозади́носа) организовал переселение крымских греков и армян в Азовскую губернию. В двадцатых числах октября 1778 года А. В. Суворов перенёс свою ставку из Бахчисарая в Гёзлёв (ныне — Евпатория), где она находилась в течение семи месяцев. В этот год в Европе началась эпидемия чумы. Благодаря строгим карантинным мерам, введённым генералом, Гёзлёв избежал страшной эпидемии. Русские солдаты очистили в городе все туалеты и конюшни, отремонтировали все городские колодцы, фонтаны и бани, купание в бане стало бесплатным; на рынках был наведён военный порядок, для въезжающих в город и ввозимых товаров был организован обязательный карантин; жителей принудили выбелить дома и дворы внутри и снаружи. Однако, от местных жителей начали поступать жалобы на А.В. Суворова. Отремонтировав бани и городские фонтаны, он ввёл обязательное пятикратное омовение для горожан и солдат гарнизона, независимо от вероисповедания, под руководством мулл, за что в доносе христиан писалось, что А.В. Суворов *«обасурманился и знает язык не только крымских татар, но и турок»*. Мусульмане жаловались на громкий колокольный звон и частое пение А.В. Суворова в церковном хоре. Жалобы остались без рассмотрения. (В 2004 году в сквере им. Караяева установлен памятник полководцу на стилизованном редуте).

А.В. Суворов создал передовую систему воспитания и обучения войск. В её основе лежало убеждение, что человек является решающим фактором победы. Он был врагом бесцельной и бессмысленной муштры, стремился пробудить в солдатах чувство национального самосознания и любовь к Родине, приучить их к смелым, инициативным и искусным действиям в самых разнообразных условиях боевой обстановки. Главное внимание обращалось на обучение войск тому, что нужно на войне. А.В. Суворов требовал от подчинённых ясного понимания существа стоящих перед ними задач: о плане действий сообщалось унтер-офицерам и солдатам, так как каждый воин должен понимать свой манёвр. А.В. Суворов уделял большое внимание быту и обеспечению солдат, в результате чего резко сократились заболевания, которые были «бичом» армий. Проявляя неустанную заботу о солдатах, их быте и нуждах и разделяя с ними все тяготы походной жизни, он завоевал безграничное доверие и любовь армии.

Полководческая деятельность А.В. Суворова оставила глубокий след в истории русской армии. Последователь Петра I и ученик П. А. Румянцева, Суворов воспитал плеяду замечательных русских полководцев и военачальников, среди которых наиболее известными и выдающимися были М. И. Кутузов и П. И. Багратион. Суворов оказал значительное влияние и на иностранную военную мысль, как полагал русский военный историк Ф. Н. Глинка (в «Кратком начертании Военного журнала»):

«Теперь уже ясно и открыто, что многие правила военного искусства занял Наполеон у нашего Суворова. Этого не оспаривают сами французы; в этом сознаётся и сам Наполеон; в письмах из Египта, перехваченных англичанами, он явно говорит Директории, что Суворова до тех пор не остановят на пути побед, пока не постигнут особенного его искусства воевать, и не противопоставят ему его собственных правил».

Немаловажным вкладом А.В. Суворова в российскую военную науку было развитие собственно русскоязычного военного лексикона в период, когда львиная его доля была не просто иностранного происхождения, но транслитерированными военными терминами. Его труды написаны на русском языке с минимумом терминов иностранного происхождения и принципиальным использованием русской системы мер, без вкрапления пассажей на французском и на латыни, что большая редкость для того времени. А.В. Суворов, сам зная несколько иностранных языков, с чрезвычайным презрением относился к тем сослуживцам и подчинённым, которые в своей устной речи старались блеснуть знанием иностранных языков, употребляли без нужды непонятные солдатам слова, вместо внятного объяснения каждому солдату его манёвра прибегали к муштре. Его выражение «проклятая немогузнайка» адресовано именно им, поскольку он был убеждён, что вкрапление обилия иноземных слов и модных неологизмов призвано было прикрыть некомпетентность в знании прикладных военных дисциплин, нежелание учиться военному делу надлежащим образом, несостоятельность в командовании войсками и безынициативность в принятии решений (привычку полагаться везде и во всём на вышестоящее командование).

Если и в настоящее время существует антагонизм между теорией и практикой, вследствие коренящегося в значительном числе образованных людей убеждения, будто теория и практика имеют не одну общую, а две разные дороги, то в половине прошлого столетия серьёзная научная подготовка тем более не считалась нужной для практической военной деятельности. Но так смотрели другие, а не А.В. Суворов: он изучал усиленно теорию для того, чтобы сделаться исключительно практиком.

Великим полководцем нельзя сделаться с помощью науки; они рождаются, а не делаются. Тем более должно ценить тех из военных людей, которые, чувствуя свою природную мощь, не отвергают, однако науки, а прилежно изучают её указания. Это есть прямое свидетельство глубины и обширности их ума. Таким умом обладал и А.В. Суворов. Он понимал, что изучение облегчает и сокращает уроки опыта; что опыт, не создавая военных способностей, развертывает их; что теория, построенная на вековых опытах, гораздо полнее, чем выводы личного наблюдения. Не стал бы он тратить время на самообразование, если бы не сознавал твердо, что без науки самому храброму офицеру трудно сделаться искусным офицером; что природный дар, без образования, если и может быть уподоблен благородному металлу, то разве неочищенному и необделанному.

И хотя офицер и военачальник - две степени, отвечающие различным условиям, но А.В. Суворов, задавшись конечною целью, не думал обходить ближайшие, разумея, что хорошему офицеру легче добиться до высшего начальствования, чем плохому, и что добрые качества храброго, но вместе с тем искусного офицера растут под нулями и ядрами, а посредственность разоблачается. Следует, однако заметить, что, занимаясь теорией военного дела многие годы, он относился к изучаемым предметам не рабски, а самостоятельно и свободно. Он вполне усвоил мысль, что, изучая великих мужей, нельзя ограничиться прямым у них заимствованием, а тем менее впасть в ошибку подражания. Почти все, добытое путем науки, в А.В. Суворове перерабатывалось совершенно и принимало свое собственное обличье, которое иногда как будто отрицало самый образец. А.В. Суворова не затягивало, не засасывало с головой, что бывает с учеными теоретиками, не обладающими сильным умом. Он не искал в науке и прямой утилитарности, как расположены делать узкие практики — специалисты.

А.В. Суворов знал, что теория prepares и развивает ум в известном направлении, но в деле приложения несостоятельна, ибо это задача уже самого человека. Он смотрел на приобретаемые знания как на склад всевозможных пособий для военной деятельности, но не рассчитывал требовать от изучаемой теории указаний — в каком случае какое пособие следует употребить. Он искал не столько частного, сколько общего. Основные начала военных операций неизменны во все времена и независимы от условий оружия и места; только приложение их к делу изменяется. В древнее и в новое время победы выигрывались, благодаря одним и тем же первоначальным причинам, оттого изучение великих военных мастеров классической древности столько же полезно, сколько и позднейшего времени.

А.В. Суворов не только их не обошел, но к ним пристрастился и считал их своими учителями. Позже, в переписке и беседе, он часто вспоминал высокочтимые им имена Александра, Цезаря, Аннибала и любил на них ссылаться. Очень верно замечает один из лучших писателей о А.В. Суворове ¹², что военный его гений, несмотря на всю оригинальность свою, выработался под влиянием классических впечатлений. Чтобы довести до степени законченности предпринятое самообразование, А.В. Суворову нужно было иметь большую силу воли, а чтобы сладить с внутренним смыслом задачи, требовался обширный ум.

Признавать за ним первую и отказывать ему во втором, значит обрекать себя на неверную постановку вопроса и, стало быть, на неправильные выводы, что и замечается у большей части иностранных писателей о А.В. Суворове. Если бы они удостоили его обстоятельным изучением, то не приняли бы оригинальность его ума и всей натуры за недостаток умственного развития, а его способы применения научного образования к делу — за невежество. А.В. Суворов часто громил впоследствии сарказмами «бедных академиков», но подводил это название не людей науки вообще, а бездарных теоретиков, не понимающих различия между наукой и её приложением, ибо, по его мнению, в приложении-то к делу и должна выражаться сила науки.

В то же время, будучи исключительно практиком, он не давал спуска и практикам-невеждам, говоря про них, что они может быть и знают военное дело, да оно их не знает. Для того, чтобы не оспаривать у А.В. Суворова сильного ума и обширной эрудиции, достаточно, не следуя за ним в его жизни, познакомиться лишь с его вступлением в жизнь. Поэтому обвинения его в невежестве и умственной слабости представляются не только неверными, но даже и не совсем понятными. Каков он был в занятиях научных, таков и в службе.

Поступив в полк на 15 году от роду, он тотчас же сделался действительным солдатом. Служба не имела для него значения навязанного судьбою тяжкого труда; она не представлялась ему рядом скучных, формальных, мелочных обязанностей. Он ей учился, учился с увлечением, с радостью; знакомился с нею во всех подробностях, для него даже необязательных; нес на себе обязанности солдата в служебных положениях важных и неважных, легких и трудных. Для него это было *нужно*, как нужны были научные занятия; перед ним в неопределенной дали светилась едва видимая точка, дойти до которой он задался во что бы то ни стало. Эта отдаленная цель показалась бы для других абсурдом, бредом больного воображения, до того достижение её было несбыточно для юного дворянчика-

солдата, без связей и покровительства, без большого состояния, безвестного, неказистого, хилого.

Но А.В. Суворов чувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы добиваться этой якобы несбыточной мечты, определил к тому средства, обдумал программу. В программу входили развитие ума и укрепление тела, что он уже делал; входило в нее и изучение солдатской среды, решение освоиться с нею вполне, без оглядок и компромиссов. К этой части программы он и приступил тотчас, как попал в полк, — и стал действительным, заправским солдатом. Мысль — изучить солдата во внешнем его быте до мельчайших подробностей обычаев и привычек и во внутренней его жизни до тайных изгибов его верований, чувствований, понятий, — есть, в сущности, мысль простая для того, кто задался такою целью, как А.В. Суворов.

Вся трудность заключалась в исполнении; требовались постоянство и выдержка необычайные, нужна была воля, ни перед чем не преклоняющаяся. А.В. Суворов обладал этими условиями и потому цели достиг. Может быть даже, что он ушел дальше, чем сам предполагал. Едва ли перед глазами 15-20-летнего А.В. Суворова обрисовывался определенными очертаниями идеал, во всем схожий с будущим, действительным 50-60-летним А.В. Суворовым. Он мог хотеть изучить солдата, исследовать этот малый атом великого тела для того, чтобы уметь владеть этим телом. Ему нужно было средство для достижения цели, которую он видел в Юлие Цезаре, Аннибале и других; но *pretвориться* в солдата, сделаться таким, чтобы от тебя «отдавало солдатом» всюду и всегда, — этого он желать не мог. Не было к тому никакой надобности для человека высшего сословия, образованного и развитого; не могло быть и желания.

Вышло, однако не так: его втянула в себя солдатская среда. В русской солдатской среде много привлекательного. Здравый смысл в связи с безобидным юмором; мужество и храбрость спокойные, естественные, без поз и театральных эффектов, но с подбоем самого искреннего добродушия; умение безропотно довольствоваться малым, выносить невзгоды и беды, также просто, как обыденные мелочные неудобства. А.В. Суворов был русский человек; погрузившись в солдатскую среду для её изучения, он не мог не понести на себе её сильного влияния. Он сроднился с нею навсегда; все, на что она находила себе отголосок в его натуре, выросло в нем и окрепло, или же усвоилось и укоренилось. Этим путем много могло зародиться или развиваться в нем такого, чего он вовсе не искал и даже чего не хотел бы.

В бытность свою солдатом, он изучил во всей подробности воинские уставы и постановления, бывал постоянно на строевых ученьях и ходил в

караул; сам чистил ружье, называя его своей женой; разделял с нижними чинами все их служебные труды. В нем не было и тени дилетантского верхоглядства или резонерства; все было для него достойно внимания и строгого исполнения; он ничего не делал на половину или кое-как, все заканчивал; всякую обязанность свою или служебное требование исполнял с величайшею точностью, граничившею с педантством. Его уму был присущ дух критики, но он дал ему волю только впоследствии; теперь он *учился*, — и критике места не было.

Такого разбора солдат не может быть заурядным служакой, и действительно А.В. Суворов был образцом для всех. Между тем это не могло доставаться ему легко; в полку застиг его критический возраст, когда здоровье требует особенного о себе попечения. Но А.В. Суворов вышел и тут победителем, продолжая начатую дома закалку своей натуры. Это был целый прикладной курс гигиены, обдуманной и с большим терпением исполняемый. А.В. Суворов положительно укрепил свое здоровье и, будучи с виду тщедушным и хилым, лучше иных здоровяков переносил усталость, голод, ненастье и всякого рода лишения. Почти никаких подробностей о его службе в нижнем звании до нас не дошло, кроме одного случая, который он сам потом рассказывал.

Из числа военных занятий мирного времени, караульная служба имеет наиболее важности и исполняется в военное время почти без изменений, совершенно так же, как и в мирное, чего про многое другое сказать нельзя. Поэтому строгое, педантическое исполнение всех мелочных требований караульной службы есть неперемнное условие солдатского воспитания и образования. Именно в этом солдату-Суворову и пришлось однажды выдержать испытание. Будучи в Петергофе в карауле, он стоял на часах у Монплезира. Императрица Елизавета Петровна проходила мимо; Суворов отдал ей честь. Государыня почему-то обратила на него внимание и спросила, как его зовут. Узнав, что он сын Василия Ивановича, который был ей известен; она вынула серебряный рубль и хотела дать молодому Суворову. Он отказался взять, объяснив, что караульный устав запрещает брать часовому деньги. «Молодец», сказала Государыня: «знаешь службу»; потрепала его по щеке и пожаловала поцеловать свою руку. «Я положу рубль здесь, на земле», прибавила она: «как сменишься, так возьми». Крестовик этот Суворов хранил всю свою жизнь.